HEINRICH BÖLL STIFTUNG
ԵՐԵՎԱՆ
Հարավային Կովկասի տարածաշրջան

ДАЕШЬ НОВЫЙ БЫТ? СОВЕТСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФЕМИНИЗМ И ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН: ОПЫТ НАГОРНОГО КАРАБАХА/НКАО

НОНА ШАХНАЗАРЯН

Исследование выполнено в рамках проекта ереванского офиса
Фонда им. Генриха Бёлля «Feminist Web and Events».

ДАЕШЬ НОВЫЙ БЫТ? СОВЕТСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФЕМИНИЗМ И ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН: ОПЫТ НАГОРНОГО КАРАБАХА/НКАО

НОНА ШАХНАЗАРЯН

старший научный сотрудник отдела
армянской этнографии ИАЭ НАН

Мнения, высказанные в данном исследовании, являются личным мнением автора и могут не совпадать с позицией Фонда им. Генриха Бёлля.

HEINRICH BÖLL STIFTUNG
ԵՐԵՎԱՆ
Հարավային Կովկասի տարածաշրջան

Ереван 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ 5

МЕТОД 6

ТЕОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА: ДЕБАТЫ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ЖЕНЩИН В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ 7

ПОЛИТИКА *КОРЕНИЗАЦИИ*: ОРИЕНТАЛИЗМ – СОЦИАЛИЗМ – ГЕНДЕР 9

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ (НКАО): ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА 11

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ VS. «РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ» 18

CODA 22

Фото на обложке Ноны Шахназарян.

Женское освобождение – тяжелейший процесс, но я верю, что он станет необходимым, ключевым этапом перехода к лучшему обществу для мужчин и женщин.

Г. Маркузе, Марксизм и феминизм. Лекция.
Стэнфордский университет. 1974 г.

Ключевые слова: *государственный феминизм, повседневность, коренизация-нативизация, ориентализм, репрезентации, биографический метод исследования, семейная история*

АННОТАЦИЯ

Какие ниши и кластеры Советский Союз предложил «*женщине Востока*», как она *сама* это восприняла? Какие последствия гендерный эксперимент имел для трансформации социальных отношений? Большевистское правительство *ориентализировало* свои республики, но можно констатировать также и тот факт, что на прогрессивистские социалистические проекты по эмансипации женщин были потрачены огромные силы, ресурсы, средства. Другой вопрос для полемики, как этот социальный проект был поставлен позже на службу другому советскому «модернизационному» проекту – *индустриализация СССР*.

В этом смысле Нагорный Карабах и все, что там произошло – удивительный кейс. Наряду с повсеместным выдвижением женщин, их *профессионализацией* (как в городе, так и на селе), имели место *женские политические квоты*. Женский труд в колхозах и совхозах оплачивался наравне с мужским на основе выполненной нормы – *уракан-трудодня (urakan – диалектн., или ашхор (ashkhor))*. Это резко изменило статус женщины в семье, формируя и пестуя у нее идентичность *экономического актора*. Тема советского в регионе злободневна также и потому, что опыт государственного феминизма и равных возможностей для полов имел свои долговременные последствия, в частности женские политические квоты и, как следствие, водворение женщин во власть (*empowerment*).

В связи с новым взглядом на совестское особенную ценность представляют тексты в жанре семейной истории, в частности, сфокусированного стереоскопического биографического интервью. Советское прошлое – это не статическая история. Социальный лифт, мобильность и либерализация-эмансипация имели совершенно беспрецедентный динамизм (и драматизм), особенно в ранний, «экспериментальный» период истории СССР. Доктрина государственного феминизма выработала тогда свои ключевые идеологемы – идею *о новой женщине*, о коллективизации быта, о раскрепощении советской женщины от *всех* видов зависимости, которая в конечном счете предполагала разрушение *патриархальной женственности*. Иными словами, в тот период *режимы гендерного гражданства* радикально изменились.

МЕТОД

Невзирая на академический феномен, концептуализированный как кризис репрезентации,[1] методологической основой данного исследования я выбрала глубинное биографическое интервью. В связи с новым взглядом на советское особенную ценность представляют тексты в жанре частной памяти – семейной или родовой истории, в частности, изложенные как в архивных (Архив г. Степанакерта), так и в эпистолярных и прочих письменных источниках. История Мкртчян Арпеник, или Апо, получила свое относительно полное отражение через образцы «женского письма» о советской женской культуре. В ходе исследования я собрала всего около 35 интервью. Биографии карабахских женщин и их анализ не просто детализируют жизни конкретных женщин в реалиях СССР, но и придают им человеческий образ. Вторичными источниками послужили скупые архивные данные похозяйственных книг и опубликованные советские биографии.

1 О методе см..: Grafteaux S. *Meme Santerre. A French Woman of the People*. Ed. by L. A. Tilly. 1985. Schocken Books. New York; Ardra L. Cole, G. Knowles *Lives in Context. The Art of Life History Research*. AltaMira Press 2001; Gabriele Rosenthal *Reconstruction of Life Stories. Principles of Selection in Generating Stories for Narrative Biographical Interviews* / in: Narrative Study of Lives, Sage 1(1). 1993; Navailb F. The Soviet Model / in: A History of Women in the West. Toward a Cultural Identity in the Twentieth Century. Ed. F.Thebaud. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England 1994.

ТЕОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА: ДЕБАТЫ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ЖЕНЩИН В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Основные подходы к женскому вопросу изложены в знаменитой работе Фридриха Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, концепцию которой он продумал с К. Марксом. «Большевики стали, пожалуй, первыми в истории руководителями государства, которые создавали свой строй, реконструируя базисные человеческие отношения – социальные отношения между полами. Правда, наряду с принятием декретов, полностью и безоговорочно уравнявших мужчин и женщин в правах, были запрещены все независимые женские объединения. Советская власть взяла на себя монопольную защиту женских интересов. Так был объявлен курс на «эмансипацию» всех советских гражданок, положивший начало принципиально новому явлению – «государственному феминизму». Так государство в лице правящей партии в русле этой политики приняло под свою защиту сформированные им же «женотделы», а затем и «женсоветы». Юридические права женщин и равноправие в целом были провозглашены сразу после революции. В 1918 г. в Москве состоялся первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок.

Основная заслуга в самой постановке вопроса о необходимости специальной государственной политики в отношении женщин принадлежала признанному теоретику большевиков Александре Коллонтай. В своих работах 20-х гг, «Труд женщин в эволюции народного хозяйства» и повесть «Любовь пчел трудовых» (1924 г). Коллонтай предлагала революционному государству сделать ставку на женщину как на превилегированного партнера при создании нового уклада, потому что неблагонадежность мужчины как агента новых социальных отношений для нее была очевидна. Провозглашенные идеи «эмансипации», «свободной любви» и «свободной семьи» были направлены на подрыв «инстинктов» и «навыков» частной жизни как главного разрушителя социалистических отношений. Согласно Коллонтай, брак был бы браком «без быта», а то и вовсе исчез. Женскую роль от мужской должна была отличать лишь материнская функция, которая станет почетной и поощряемой государством. Но уже во второй половине 20-х годов от курса на «революцию быта» стали постепенно отказываться в связи с актуализацией новых направлений – с переходом из фазы аграрной в индустриальную. Наступало время индустриализации, коллективизации, «великих строек» социализма. Государству отчаянно нужны были дешевые рабочие руки и женщины для этой роли исключительно подходили. Таким образом, общественная практика решения женского вопроса в 1920-1930-

е гг. опиралась на теоретические положения марксизма: участие в общественном производстве является решающим условием, определяющим социальный статус женщин. Представление о том, что женщина может не трудиться на производстве, вовсе исчезло из советского общественного сознания. В связи с этим характер гендерных отношений в советский период квалифицируют как «контракт работающей матери». В контексте неустроенного быта это означало двойную нагрузку.[2]

2 Здравомыслова Е., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс, 2002. № 11. С. 4-15.

ПОЛИТИКА *КОРЕНИЗАЦИИ*: ОРИЕНТАЛИЗМ – СОЦИАЛИЗМ – ГЕНДЕР

В 1925-1934 советскими властями в национальных республиках, как и в целом в СССР, проводилась так называемая политика нативизации-коренизации. На эти годы пришелся пик рекрутирования национальных/местных кадров, то есть политика выдвижения национальных представителей (в основном из сельских низов) на благоприятных условиях. Политика коренизации стала сворачиваться лишь к 1933-34 гг.[3] Русский язык пока еще не стал lingua franca, приоритет отводился как местным языкам, так и доморощенным кадрам.[4] Но уже к началу 50-х ситуация со статусом языков изменилась, как в общем и кадровая политика.

В составе центральных в местных партийных органов были созданы женотделы, просуществовавшие до 1929 г. В 20-30-е гг. как основная форма женского движения развивались делегатские собрания, организуемые на предприятиях, а для домашних хозяек – по месту жительства. В декабре 1924 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «Об очередных задачах в области работы среди работниц, крестьянок и тружениц Востока», где первоочередной задачей было вовлечение женщин в трудовую деятельность».[5] Свои впечатления делегатки британских тред-юнионов, посетившие советские республики, описывали так: «В Баку… туземки привели нас в центральный образцовый клуб для восточных женщин, число членов которого превышает 2000. При клубе имеются ясли, амбулатория и мастерские для обучения всякого рода мастерствам, включая переплетное дело, шитье, вышивание, сапожное дело и т. д. Сверх того имеются курсы, которые подготовляют женщин к поступлению на рабочий факультет, учительскую школу и совпартшколу. Имеются также музыкальный и драматический кружки. Специальные клубы для женщин представляют собой исключение. Они организуются лишь для женщин Востока, поскольку женщин невозможно было бы привлечь в клубы, где присутствуют мужчины».[6]

Какие ниши и кластеры Советский Союз предложил «*женщине Востока*», как она *сама* это восприняла и, какие последствия эти новшества имели для трансформации социальных отношений? Безусловно, можно говорить о том, что большевистское правительство *ориентализировало* свои республики и другие политические автономии. Большевистские лидеры действительно использовали

3 Terry M. The Affirmative Action Empire. Nation and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. University of Chicago.

4 См. документы похозяйственных книг разных сел НКАО, в частности с. Дагараз: записи 1925 г. велись на арабской вязи, армянском и русском языках. Архив г. Степанакерта

5 Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. Сб. ст. Изд. “Рудомино” М.. 2000. С. 48.

6 Женщина-работница и крестьянка в СССР. Отчет женской делегации британских тред-юнионов. М., Изд-во ВЦСПС, 1925. с. 39.

ориенталистские тропы в описании, анти-релятивистскую терминологию, в которой Советы определялись как *модернистский* и советский Восток как *примитивный*. Тем самым они 1) стереотипизировали советский Восток; 2) снисходительно обобщали, не проводили различий между удаленными и культурно гетерогенными республиками т.н. Востока (сюда наряду с республиками Средней (Центральной) Азии входили Грузия, Армения и Азербайджан). Используя новоизобретенные доктринальные клише, идеологи большевизма конструировали примитивизм «Востока» через положение «женщин Востока»: сегрегация женщин, их уединенное существование, скрывание лица с помощью паранджи (в случае Карабаха *ирестзаскан* – часть сложного головного убора, который прикрывал рот, как изображает советский памятник Мы и наши горы, что на въезде в Степанакерт), ранние браки, полигиния-многоженство и калым, или цена за невесту. Отсюда следовал вывод, что трансформировав восточную женщину, удастся автоматически переделать Восток. Тем самым, уравнивая Восток с женщинами Востока, большевистская лексика явно подвергала местных женщин как эротизации, так и экзотизации, за что Советы как прогрессивистский проект позже были подвергнуты критике.[7] Различия были связаны, среди прочего, с локальными особенностями не просто каждой республики или автономной области, но и социальной композиции каждого района и даже села.

7 Northrop D. (2001) Nationalizing Backwardness: Gender, Empire, and Uzbek Identity.

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ (НКАО): ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА

ЯЗЫК И ВЛАСТЬ НОМИНАЦИИ

В карабахском селе оставались явные пережитки патриархального уклада. Тут необходимо пояснить ситуацию со статусом старшей женщины в семье (в роду) в карабахской локальной субкультуре, в частности, обращение с базовыми терминами родства. Все родственницы в семье называли старшую женщину, обычно свекровь, мамой.[8] С возрастом вес и авторитет женщины неуклонно растут, что ярко проявляется в терминах родства, в некоторых селах обиходных и поныне, а вплоть до 1950 – 1960-х гг. повсеместно употреблявшихся в Карабахе. Невестка, то есть жена сына, имеющая детей, как и сам муж, называются всеми, в том числе их детьми, просто по имени (принижение статуса посредством номинации); мать этого сына, являющуюся одновременно свекровью для его жены (невестки) все члены семьи называют «мама», хотя она не является биологической матерью (наоборот, повышение статуса через номинацию). Свекровь свекрови зовут «старшая мама» (*мес мама*); свекровь «старшей мамы», если она жива, – самым почетным и авторитетным термином *айя* (*аya*).Так самая старшая в роду женщина приобретает с годами и самый высокий статус относительно других женщин и молодых мужчин. Однако чаша весов склонялась все же на сторону чуть более артикулированных по региональным масштабам женских прав. Особенно явным это стало в советский период, в частности в военное и поствоенное время (40-е) и в ранние 90-е гг.

ВЫДВИЖЕНКИ-ВОСТОЧНИЦЫ

Государственный феминизм, новая женщина, идея о новой женщине – ключевые слова новой советской гендерной доктрины и политики, которые предполагали и предвосхищали разрушение патриархальной женственности. Женщинам открыли путь из приватной частной сферы в публичную, общественную, беспрецедентно новые сценарии социализации. Некоторые женские биографии в Карабахе представляют истории женщин, проделавших нелегкий путь от «буржуазного элемен-

8 Шахназарян Н. Язык как маркер отношений господства и подчинения (гендерный аспект) // Антропология, меньшинства, мультикультурализм. Бюллетень. 2003, ноябрь, № 4. Краснодар. С. 86-87.

та» – потенциального кулака до активисток, учителей всеобучей и станций ликбеза, председателей сельсоветов, ударниц труда. Иногда это родственницы и близкий круг бакинских и шушинских предпринимателей и нефтяных магнатов или просто зажиточных людей, но в основном простые крестьянки.

В середине 20-х повсеместно в селах Нагорного Карабаха открываются *ликкаян*-ы – пункты ликвидации безграмотности. Тем самым, 1925 – 1928 гг. стали апогеем осуществления *культурной революции,* не просто коснувшейся, в том числе, женщин, но иногда совершаемой женщинами. В рамках различных советских институций повсеместно открывались пункты ликвидации безграмотности, или так называемые *Всеобучи*, функционирование которых обеспечивалось за счет наиболее активных и образованных граждан обоего пола. Женщины советских республик наспех обучались грамоте и в скором времени сами становились инструкторами Всеобуча. Дадамян Марго свидетельствует о тех временах: *"Соседка моя С. – она была грамотная, и еще до революции получила гимназическое обучение на армянском языке, в Шуше. Ее второй муж был тоже очень образованным по тем временам: русский хорошо знал, ее научил русскому, и они вместе преподавали в ликкаяне".*

СОВЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И КОНТРАЦЕПТИВНАЯ ПОЛИТИКА: АБОРТНАЯ КУЛЬТУРА

Политики и идеологии материнства в советский период претерпевают сложные многослойные изменения, активно манипулируемые советскими идеологами и пропагандистами. После провозглашения «отмирания семьи» как мещанско-буржуазного института запускается гигантский проект по радикальной конфигурации гендерной системы, отношений между полами. В советских социально-политических контекстах дискурсы о родительстве, материнстве и детстве вылились в аграрную и индустриальную фазы. Производство дискурсов о материнстве, как и производство собственно матерей в СССР можно резюмировать по тональности и моральным императивам учебников по уходу за детьми той эпохи.[9] Зачатие, беременность роды, уход за младенцем выходят из приватной сферы в сферу государственного регулирования. Исследования ряда историков, культурологов и антропологов феминистского направления доказали беспрецедентно высокую степень воздействия советской политической власти на сексуальную жизнь в целом и репродуктивную сферу и практики материнства[10] в частности (надо отметить, что это было свойственно большинству индустриальных стран мира). Начиная с сер. 1930-х гг. общество, напротив, делает ставку на институт семьи, ужесточая законадательство о браке и разводе. В 1936 г. сталинское государство запрещает аборт.

Детский инфантицид – чувствительная тема. Он напрямую связан с разными

9 Черняева Н. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации. ГИ № 12, 2004. Харьковский центр гендерных исследований.с. 120-138.

10 Goldman W. Women, the State and the Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. NY: Cambridge University Press,1993; Stites R. The Wonem's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, Bolshevism. Princeton 1978.

аспектами экзистенциальных проблем человечества – в первую очередь, с проблемами контрацепции и недоедания или голода, то есть нехваткой ресурсов. В карабахских селах в дореволюционный период это называли эвфемистично – оставить ребенка под корытом (*tashten taken toghel*). Избавлялись от детей обоего пола – душили, не кормили, оставляли на морозе. Однако, чаще всего такая участь постигала новорожденных девочек. В советское время с этими практиками было почти покончено. Однако чрезмерные нагрузки в колхозных хозяйствах и невыполненные обещания советского государства обеспечить инфраструктурой для материнства и детства в частности в Нагорном Карабахе привели к тому, что старшие дети ухаживали за младшими, пока мать отсутствовала практически весь день. Долгожительница села Бердашен, женщина по имени Вардан вспоминает: *я была сама еще совсем ребенком и так часто роняла новорожденного братика, что он умер.* На этом фоне в то же время аборты стали чуть ли ни единственным способом контрацепции.

В 1920-е годы в рамках большевистского проекта государственного феминизма стало первым в мире государством, в котором были легализованы аборты. Конечно, легализация абортов сложная тема, которая имеет огромное количество пластов. По факту, в конечном итоге, СССР стал, в смысле контрацептивной культуры, в смысле репродуктивного поведения, *per se* абортной культурой. В то же время, согласно оценкам карабахских женщин, была менее психологически и «ресурсо-» и «трудозатратной» по сравнению с инфантицидом. Большинство опрошенных женщин, чей репродуктивный период жизни пришелся на советское время, не могли вспомнить, сколько же абортов они в своей жизни сделали. Аборты имели абсолютно губительный эффект на репродуктивное здоровье женщины. Тем не менее, согласно результатам феминистских исследований, право на прерывание беременности – это неотъемлемая, важная, интегральная часть женской свободы женского акторства, женской субъектности. В этом смысле, либерализация абортов оценивается женщинами как абсолютно прогрессивистский проект. Проблема, однако, на протяжении всей истории заключалась часто в том, что любые социальные эксперименты такого типа и позже в годы мировой сексуальной революции в 60-е гг. обнаруживали, что за все виды эмансипаций, особенно сексуальной либерализации, всегда платила женщина – здоровьем, средствами, эмоциями. И карабахская женщина – именно тот самый случай.

АРПЕНИК, ИЛИ АПО[11] КЕЙС-СТАДИ

Репрезентация советской женской/гендерной истории Арпеник/Апо – жены Павла из с. Даграз НКАО, одного из троих братьев семьи представляет кейс-стади советской карабахской женской биографии. Братья Павла – Михаил и Александр – покинули село, оставив Павла позаботиться о родителях Аршаке и Эгинэ (Елена) и присмотреть за фамильным хозяйством. Сама Арпеник родилась в селе Нахичеваник, куда ее мать Такуи переехала когда вышла замуж за Мухана. Такуи была повитухой. *Через неко-*

11 Цитаты из интервью приводятся курсивом. В тексте приведены выдержки из письма Амалии Мкртчян, племянницы Арпеник, проживающей в Ашхабаде, Туркмения.

торое время после свадьбы родился ребенок. Это хорошо. Но ребенок – девочка, а это уже плохо. Все в семье расстроились. Это был 1910 г. Девочку назвали Арфеня. <…> Через два года Такуи родила еще одну девочку. Семья возмутилась такому безобразию. Положение Такуи в семье изменилось в худшую сторону. Её стали гнобить. Особенно старалась свекровь, тем более что она была мачехой Мухану, а по совместительству – одной из его любовниц. Свекор Аванес мало был дома, он был работяга. А вот свекровь мучила невестку, даже била её. Однажды она так ударила невестку по голове металлическим кувшином (долча) при мытье головы, что после этого та стала припадочной. <…> Такуи забеременела в третий раз, она твердо решила, что если родится девочка, она её задушит. Поэтому когда начались родовые схватки, Такуи пошла в хлев рожать (была зима 1914 г.) Родился мальчик… Такуи увидела, что младенец мужского пола, сделала всё, что надо, положила ребенка в фартук (фартук в деревне – обязательный атрибут женской одежды), принесла ребенка домой и сказала: – Вот ваш мальчик, как вы хотели. <…> В 1916 г. в семье родилась еще одна девочка.

ORHNVI SOVETY! ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТЫ!

Советская власть ассоциируется у армянского населения НКАО с pax Sovietica, с периодом относительного спокойствия в межнациональных отношениях.

Официальный дискурс победно провозглашал: “Победа Бакинской коммуны (1918 г.) окрылила тружеников Карабаха, но временная удача дашнаков и мусаватистов вызвала искусственное межнациональное обострение. 12 мая 1920 г. XI Армия под предводительством С.М. Кирова и Серго Орджоникидзе входит в Шушу. Жители хлебом и солью встречают освободителей. Карабах тоже становится советским.”[12]

В начале 20-ых годов, когда немного поутихло, Такуи с детьми вернулась в Даграз. Дом пустой, даже полуразрушенный. На что жить? Сама Такуи слаба здоровьем. Старшая дочка Арфеня пошла работать в дом к Шахназарянам. Она, конечно, старалась, ведь от нее зависела вся семья. Хозяева смотрят: девочка умная, работящая, честная, здоровая. Такую нельзя упускать, надо брать в семью. Особенно Апо (сокращенное от Арфеня) *выигрышно смотрелась на фоне женской половины хозяйской семьи. Хозяйка Егинэ очень болела, <…> она очень страдала от болезни костей, вся была скрюченная. Видно, у нее был ревматизм, а может полиартрит. Хорошая была бабушка. У неё лицо было очень необычной редкой красоты. Старшая дочь Ермоня была красивая, но ленивая. Младшая дочь Тамара была добрая, ласковая, но болезненная. Дело в том, что во время беременности Егине переболела желтухой, и это отразилось на здоровье ребенка.*

Арфеня попала в семью Шахназарян в качестве прислуги, потому что надо было прокормить себя и семью. Но вскоре Шахназаряны переговорили с Такуи и ма-

12 Гюль К.К., Гулиев А.Н., Надиров А. А. Нагорно-Карабахская автономная область // Советский Союз. Азербайджан. М. 1971. С. 253.

ленькую девочку прочили в невесты. *Семья Шахназарян в нашей деревне была одна из самых богатых. У них всегда было большое хозяйство, поэтому они нанимали работников даже в советское время (до войны).* Учитывая глубокую периферийность региона, классовая борьба и ее жесткая специфика в СССР позволяла жить с барскими замашками вплоть до коллективизации.

В 1924 г. Шахназаряны женили своего старшего сына Павла на Арфене. А семья Такуи потеряла кормилицу свою. Поэтому мой папа (Сурен Мкртчян) *пошел батрачить к Шахназарянам. Теперь он стал основным добытчиком в семье. Такуи тоже что-то зарабатывала: она пекла людям хлеб, она принимала роды, лечила женские болезни.*

Из довоенной жизни Апо рассказывали такой случай. В праздники все собирались на шенамач (лобное место, бук. центр села)*, устраивали игры, на качелях качались, мужчины боролись. Апо рассказывала, что её муж тоже боролся и оказался побежденным. Апо такое стерпеть не могла и решила взять реванш. Как порядочная жена своего мужа, она спросила у него разрешение побороться с его противником. Павел, зная способности своей жены, разрешил. Апо вступила в бой и победила. По-моему, это очень круто, говоря современным языком. <…> Апо была богато одарена от природы. Люди заканчивают театральные ВУЗы, берут частные уроки, лезут из кожи и при всем при этом не могут сыграть даже какую-нибудь среднюю роль. А Апо без всякого образования могла изобразить кого угодно. При этом и голос ее менялся, и внешне она преображалась. У нее даже были готовые концертные номера, которые публика принимала на «бис». А как она танцевала! Сколько радости, удовольствия Апо доставляла людям своим искусством. Я её называю «народной артисткой нашей деревни».*

<…> Еще я помню, что в 30-ые годы в Степанакерте устраивали конкурс: у кого самая длинная коса. Апо заняла то ли 1-ое, то ли 2-ое место, но после этого у нее начались очень сильные головные боли. Она приезжала лечиться в Баку. Останавливалась у брата Сурена, который к тому времени уже переехал в Баку. Арфеня, бесспорно, обладала лидерскими качествами. *Апо была острая на язык. Она всегда держалась гордо и с достоинством. Почему её звали Апо? Она еще в молодости с кем-то поспорила и сказала, что уверена в своем мнении настолько, что если проиграет спор, то изменит свое имя* (обычное языковое клише при горячем вербальном споре – *anumys kphokhim*). Проиграла спор, и как человек слова (подражание мужскому кодексу чести), изменила свое имя.

К 1930-м гг. ажиотаж вокруг женского вопроса в СССР достиг своего пика и его «решение» значительно продвинулось. «В дальнейшем, когда был взят курс на индустриализацию, потребность в трудовых ресурсах резко возросла, и вовлечение женщин в трудовую деятельность стало еще более интенсивным.[13] В 1936 году в Москве выходит в свет книга «Женщина в СССР», подготовленная при Центральном управлении народно-хозяйственного учета Госплана СССР, и содержавшая статистические данные, характеризующее положение женщин в Советском Союзе во время первой и второй пятилеток. Для сравнения приводятся данные, относившиеся к дореволюционной России и капиталистическим странам Запада. В этой работе

13 Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. Сб. ст. Изд. “Рудомино” М.. 2000. С.

отмечается, что «в наибольшей степени отстает внедрение женского труда в производство среди коренных народов Азербайджана и среднеазиатских республик».[14] В остальной части страны Советов брошенный государством клич подхватывается женщинами подчас не просто с энтузиазмом, но и с некоторой долей фанатизма. Примерами женского трудового энтузиазма могут служить такие известные явления, как *стахановское движение*; неологизм *хетагуровка* появился после публикации открытого письма Валентины Хетагуровой с призывом к девушкам принять участие в освоении Дальневосточного региона (откликнулись 250 тыс. девушек); инициатива трактористки Паши Ангелиной «100 тысяч подруг – на трактор» (откликнулись 200 тыс.)[15]

С наступлением эпохи индустриализации, коллективизации и масштабных строек социализма молодому советскому государству были необходимы дешевые рабочие руки. Наряду с другими регионами СССР, волна идейного фанатизма захватила и Карабах. Параллельно для обеспечения промышленной и сельскохозяйственной занятости интенсивно расширяется инфраструктурная сеть в селах Карабаха. Культивирование героического труда на благо страны становится рефренной идеей эпохи. И женщина почти наравне с мужчиной вовлекается в производственную деятельность.[16] Те же колхозные трудодни оплачивались по труду, независимо от пола, и подчас женщина приносила в дом больший заработок, чем мужчина, тем самым ломая образ кормильца как основание патриархальной власти.

1928 – 1930: КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Несмотря на все сопутствующие перегибы, про коллективизацию в Нагорном Карабахе, в общем, рассказывают в самых позитивных терминах: эти дискурсы в Дагразе имели классовые измерения. Многие жители Карабаха были репрессированы за отказ вступления в колхоз, став жертвами раскулачивания (*kulakathaph*).

Благоговейное отношение простого люда к советскому порядку сильно отличалось от отношения детей бывших “кулаков” или репрессированных, обиженных, которые громко заговорили об обидах только после крушения советского строя. Аршак Шахназарян, свекор Апо, считал себя представителем знатного рода, что подтверждается памятью членов семьи об утраченном имуществе: фамильные земли, скот, живущая в хозяйстве обслуга, включая саму Арфеню до вступления в брак с Павлом (решение о браке приняла его мать Егине; Арфеня спала в одной постели со своей хозяйкой-работадательницей вплоть до первой менструации, до 13 лет). Аршак наспех распродал свой скот, а что осталось, включая пахотные земли и сады (Шахназаранц Тап’ер), добровольно в первых рядах сдал в складчину колхозного хозяйства. Председателем новообразованного колхоза «Даграз» выбрали Арташа, скотника, то есть наемного работника Шахназарянов, который жил в их

14 Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана СССР 1936, с. 11.

15 Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. Сб. ст. Изд. “Рудомино” М.. 2000. С. 51.

16 Женщина-работница и крестьянка в СССР. Отчет женской делегации британских тред-юнионов. М., Изд-во ВЦСПС, 1925. с. 39.

же доме. Арташ, став председателем колхоза, «злобствовал» (*chyratsala*): он плохо обращался со скотом Аршака, который был теперь частью собственности колхоза, избивая на водопое «шахназаранц» скот, он демонстративно «изощренно матерился». Тяжко переживая ломку прежних социальных иерархий, Аршаку оставалось горько ухмыляться, непрестанно повторяя: "*Ну и деньки настали, мой слуга мне господином стал.*" Доктринальная путаница «антагонистических отношений» с дифференциацией на бедняков, середняков и так называемый класс сельских эксплуататоров и мелких-капиталистов-производителей с определением найма как эксплуатации отразилась на карабахской деревне в полном спектре. История Аршака живая иллюстрация процесса, который называют *самораскулачиванием,* или *осереднячиванием*.[17]

Аршак, зажиточный землевладелец, полностью вписывавшийся в определение *кулака*, умер через год после того, как был вынужден отдать весь свой скот и земельные владения новой власти, колхозу. *Он не увидел, как мама стала бригадиром и разъезжала верхом на коне, Шабо звали коня. Не видел он и сталинских репрессий: это было страшно – стучали, закладывали, ни за что ссылали мужчин, чтобы завладеть их красивыми женами* – вспоминает Ирина Павловна о своей матери.

В воспоминаниях Ирины Арустамян интересен пассаж про бригадирство (официальная позиция для женщины, активная социальная и экономическая роль) и конструирование новой модели мобильности для новой советской женщины Востока. Арфеня, которая, работая в колхозе, стала рассекать по деревне на своем коне Шабо, есть суть не только трансформации механической мобильности, но и трансгрессирование веками или тысячелетиями установленных границ. Женщина на коне никоим образом не вписывалась в картину мира рядового карабахского сельчанина. В этом смысле это была советская революция мобильности, новое гендерное прочтение обращения с пространством и его освоением. Женщины больше не были заперты в домах под многослойными одеждами, причем это не просто не возбранялось, но было объявлено легитимной и добровольно-принудительной линией женского социального поведения.

17 В 1927-29 гг. множество успешных фермерских хозяйств были сильно ослаблены, или вынуждены влиться в колхозы. Эти процессы и в частности поведение «кулаков» слабо изучены в социальных науках. См.: Lewin Moshe The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. 1985. Pantheon Books: NY. P. 140-141.

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ VS. «РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»

ВОВ: СОВЕТСКОЕ ВДОВСТВО (ПОСОБИЯ ОТ ГОСУДАРСТВА И ПЕНСИЯ)

В 1941 г. младшему сыну Рачику исполнился только год, когда Арфеня проводила мужа на войну. *<…> …именно по этой причине Апо больше всех любила Рачика.* Когда Рачику исполнилось 5 лет, в Даграз на лето из «продвинутого» Баку приехала родственница Шушаниг, дочь дяди Миши. Не раздумывая, она разорвала свидетельство о рождении Рачика и, заявив об утрате, выписала ему новый документ с «модернизированным» именем Роберт Павлович Шахназарян. *Его дети, вырастут, станут большими людьми, докторами-профессорами, а по отчеству их будут называть Грачиковна. Будут посмеиваться над ними. Нет, такого позволить нельзя* – объясняла своей расширенной семье «дачница».

Вторая мировая война приоткрыла новые завесы новой рекомпозиции советского гендерного порядка. В годы Великой Отечественной войны (ВОВ) стало ясно, что женщинам отводится вспомогательная роль. Женщины, взявшие все тяготы организации жизни в тылу на свои плечи были вынуждены быстро ретироваться, когда мужчины вернулись с фронта. Из *семьи Шахназарянов три сына участвовали в ВОВ – Павел, Миша, Саша. Павел пропал без вести, Миша погиб, а Саша, мамин любимчик, благополучно вернулся домой с трофеями. 4 года войны в деревне все жили одинаково бедно, все работали. Из семьи Шахназарянов в колхозе работали Арфеня, Нина, Рантик. Основной работницей была, конечно, Арфеня. Она же и дома вкалывала. Таким образом, Арфеня стала полновластной хозяйкой в доме, в который она вошла служанкой.*

В 1943 г. Апо получила бумагу, известившую её о том, что ее муж Павел Аршакович Шахназарян пропал без вести. Уходя на фронт, Павел велел Арфене кормить грудью годовалого сына Рачика (Роберта) до тех пор, пока он не вернется домой. Как преданная и послушная жена, Арфеня кормила сына грудным молоком до конца войны. Фактически она осталась без мужа в 29 лет. *Но до конца её жизни, прервавшейся 16 мая 1986 г.* (в Баку в доме старшего сына Рантика), *ни один человек не смел сказать, что она хоть один раз посмотрела на какого-то другого мужчину. Не смел, потому что не было оснований. Даже сплетен не было на эту тему, хотя сексуальная тема самая любимая в деревне. После войны колхоз направил Апо на курсы пчеловодства в Степанакерт. Она успешно окончила эти курсы, стала хорошим пчеловодом и всю жизнь на этом хорошо зарабатывала. Она рассказывала, что не все осилили учебу, и многие недоучились. Я помню, как*

Апо приглашали в другие деревни как эксперта, как консультанта в особых случаях на их пасеке, когда сами не справлялись. Советский строй предложил Арфене совершенно беспрецедентные возможности и социальные лифты. Она работала в колхозе на четырех работах: управляющей огромной скотоводческой фермы, председателем Ревизионной Комиссии (РК) в селе, посезонно сбивала палкой урожай пшеницы (*kal takel*) и колхозным пчеловодом. Кроме всего этого, ей выплачивались трудодни, а также ежемесячные выплаты «натурой» – масло, пшеница, злаковые, бобовые, плодо-овощи и долю от всего, что производилось в колхозе. «Бриллиантом» в короне профессиональных титулов был очень значимый статус председателя РК, поскольку он перекрывал даже голос председателя колхоза. Советский образ жизни полностью изменил образ женщины Востока не только в смысле ее облика, одежды (ушло в прошлое обязательное покрывание головы и прикрывание рта), но и в смысле механической и социальной мобильности. Арфеня рассекала по всем колхозным окрестностям на коне по кличке Шабо, она обучалась профессиям, приобретая новые статусы. Однако, как военная вдова Апо не получала ровным счетом никаких выплат или пособий от государства. На закате своей многопрофильной трудовой биографии в 50 лет как мать четверых детей она вышла на пенсию и получала мизерную сумму в размере 12 советских рублей в месяц, на что постоянно жаловалась.

Женщины аграрного Карабаха получили платформы для обретения экономической агентивности, превращения в субъекта экономических отношений, что подспудно означало включение во властные отношения как в контексте расширенной и/или нуклеарной семьи, так и на государственно-политическом уровне.

Впрочем, не следует преувеличивать уровень гендерного равноправия в СССР. Система предоставления женщинам политических прав и репрезентативность на местах содержала серьезные издержки и изъяны. Например, в Карабахе, как и во всех трех южно-кавказских республиках в высших эшелонах власти явно превалировали мужчины. К тому же их работа оплачивалась в пять раз выше, чем та же работа, выполненная женщиной.[18] На республиканском уровне не было женщин с министерскими портфелями, равно как их не было и в органах исполнительной власти. Чаще всего женщины назначались вторыми заместителями местных ЦК КП, и это был их «стеклянный потолок». Не случайно в связи с этим то, что женщины стали занимать совершенно иные маргинальные ниши. Начиная с 1980-х годов, женщины уже фигурировали в диссидентской сфере, но не в политике.

Советские женщины прорывались во власть только в кризисных ситуациях в годину войн, хаоса и разрухи, и это было универсальное явление. Факт повсеместности распространения подобных социально-статусных феноменов сигнализирует о структурном характере такого рода дискриминаций. Примером может служить Вторая мировая война, во время которой тяжесть работы в тылу легла на плечи женщин. Именно на это время приходится пик женских назначений высокого ранга в городе и на селе. Наибольшее количество женщин председателей колхозов и совхозов в южно-кавказских республиках и в Нагорно-Карабахской Автономной Об-

18 Dudwick, Nora. “Out of the Kitchen into the Crossfire: Women in Independent Armenia.” In Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia, edited by Mary Buckley. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, p. 238; Ishkanian, Armine. “Gendered Transitions: The Impact of the Post-Soviet Transition on Women in Central Asia and the Caucasus.” Perspectives on Global Development and Technology, 2003: 475-496.

ласти (НКАО) приходилось на тот период, когда всеобщая мобилизация не оставляла иного выбора. Иными словами, несмотря на эгалитарные лозунги, женщине отводилась вспомогательная роль, а доступ к престижным позициям обеспечивался по остаточному принципу.

ОБЩИННЫЕ ЦЕННОСТИ, ИЛИ ЦЕННОСТИ РОДСТВА И БОЛЬШОЙ РАСШИРЕННОЙ СЕМЬИ. «ДАЧНИКИ»

Патриархальный уклад постоянно всплывал, «выглядывал» в текстах интервью о советском периоде. Обычно через дискурсы и концепты, которые иногда находили себе эквиваленты-эвфемизмы из советской бюрократической дискурсивной действительности. Например, часто употребляемое в быту и во время ритуальных речей, тостов слово *гердастан,*[19] заменяли на «домовая книжка», хотя *гердастан* охватывал более широкий круг расширенного родства, в то время как домовая книга отправляла к двухпоколенной нуклеарной семье. *Хочу сказать, что Апо всю жизнь прожила со свекровью. Егине умерла, по-моему, в 70-х, то есть Апо прожила со свекровью уже без мужа лет 30. По сегодняшним меркам – это героизм. Но тогда это было делом обычным.*

В 1940-50 -х гг в Карабахе появился концепт, обозначавший сельчан, которые уехали из родных пенатов в города, в столицу, так называемые «дачники». Они проводили праздники и каникулы в домах своих дедов и родственников, поселившись в них на время отпусков. Таким образом, связь с родовым селом не прерывалась, а «дачники» продвигали, развивали родные селения, хотя наряду с этим они как городские жители также отягощали жизнь женщины села, нагружая ее дополнительной домашней «невидимой», неоплачиваемой, эмоциональной работой по заботе. *Летом все привезли своих детей, свалили ей на голову, а сами уехали. Одновременно в доме гостили 7-8 детей. А ведь кроме детей на ней дом, хозяйство, работа в колхозе.* В этом отрывке из письма Амалии Мкртчян прочитываются новые гендерно-классовые дихотомии по контуру разлома сельская vs. городская женщина.

Эпоха застоя выдалась в общем и целом стабильно-спокойной. Поздне-советский период отличился устойчивыми трендами в сфере водворения встраивания женщины в структуры политической власти (empowerment). В составе областной и районных администраций НКАО вторыми секретарями ЦК КПСС и других властных структур целевым методом назначались женщины (как например, Меланя Адамян в Мартунинской районной администрации).

Женя, жительница Мартуни, набрасывала социальной портрет своей свекрови-выдвиженки из народа. *Мама же была первой партийной в нашем районе – на пару с Нахшун, нашей соседской. 1982-й. На 50-летие партийного стажа наш секретарь райкома почетно пригласил ее в райком и спросил, что бы она хотела получить в дар от государства за свои партийные и трудовые заслуги. Она,*

19 *Гердастан* (арм.) – понятие, обозначающее большую многопоколенную семью.

недолго думая, попросила покрыть асфальтом свой двор. На следующий же день все было сделано. Больше не хлюпали по грязи.

Вступление женщин в ряды КПСС и социальный активизм в целом поощрялось настолько, что привели к относительному гендерному балансу в сфере членства в партии и вовлеченности в политическую жизнь страны. Эта директива центра столкнулась с пассивным сопротивлением в семьях, особенно в трех- и четырех-поколенных, где старшие не выпускали бразды микро-уровневого низового правления. Когда Ларисе Петросян позвонили с ее работы и известили, что ее кандидатуру представили на членство в КПСС, ее свекровь выхватила телефонную трубку и объявила должностному лицу ледяным голосом: *Лариса не станет членом КПСС раньше, чем ее муж. По этому вопросу больше не звоните*. В другом биографическом интервью поздне-советского периода кандидатура 19 летней абитуриентки в качестве невесты в Ереване была немедленно отклонена матерью влюбленного жениха при первом же знакомстве: *мне нужна невестка, а не Клара Цеткин* (Фарамазян Ларина, уроженка Мартуни, НКАО). Подобного рода примеры пассивной борьбы и тайного саботажа достаточно выразительно свидетельствуют о параллельно функционирующих реальностях «классического» патриархата наряду с возможностями «государственного феминизма». Другое дело, что официально практики «традиционной патриархатности» считались маргинальными и порицаемыми, в то время как громко манифестируемое гендерное «равноправие» и новый быт и двукарьерные семейные модели были официально одобряемыми.

Тема советского прошлого в регионе актуальна по нескольким причинам: на него часто ссылаются, по нему ностальгируют, его репрезентируют как модель для подражания. Она злободневна также и потому, что, невзирая на общий контекст патриархатного уклада, в частности опыт государственного феминизма и равных возможностей для полов имел свои долговременные последствия для региона. С недавних пор в Карабахе (как и в Армении) политическая женская квота снова вступила в силу. Интересно, однако, что в Нагорном Карабахе она называется *гендерная* квота, что транслирует более гендерно-чувствительный подход к вопросу (то есть *гендерная* квота означает, что если речь идет о женской организации, партии, то не менее 20% ее состава должны быть представлены мужчинами; тем самым снимается вопрос гендерной стереотипизации).

CODA

В качестве заключения хотелось бы остановиться на нескольких важных моментах. В СССР был объявлен курс на «эмансипацию» советских гражданок средствами культурной и бытовой революции, положивший начало принципиально новому явлению – «государственному феминизму». Опыт женской эмансипации, безусловно, оказал существенное влияние на постсоветское национальное государственное строительство. Этот опыт обладал своей динамикой и множественными параметрами, которые имеет смысл обобщить. Повышение статуса женщин и их политическое участие в СССР имели свои этапы и двусмысленности. Наряду с принятием декретов, полностью и безоговорочно уравнявших мужчин и женщин в правах, были запрещены все независимые женские объединения. Как и во всех прочих сферах, советская власть стала монополистом защиты женских интересов. Общинный патриарх-отец был замещен монополистом патриархом-государством (особенно явной смена гендерной парадигмы стала в сталинский период).

Относительно гендерных идентичностей семейные нарративы об Апо отразили турбулентные социальные перемены, пропущенные через призму одной женской биографии. Несмотря на общий тренд ориентализации статуса женщины (в общую категорию-клише «женщины Востока» входили также женщины Южного Кавказа), сельские женщины Карабаха получили доступы к социальным лифтам разного рода, в частности через освоение новых профессий и их приложение в коллективном хозяйстве и в других статусных институциях. Наряду с этим общинные коммунальные ценности отнюдь не утратили своей силы, что отражает динамику и изобретательность адаптивных механизмов, присущих советскому строю в частности, и человеческим обществам, в общем.

Хотя советская социализация, обеспечивавшая принятие “правил игры”, общих в масштабах всей страны, предполагала разрушение механизма передачи традиционных ценностей, в Карабахе в бытовой сфере, особенно в селах, традиционные дискурсы оставались влиятельными, хотя и вытесненные в сугубо приватную сферу. Более того те, кто придерживались явной патриархальной традиционности в сфере гендерного порядка читались как агенты швейковского по своей природе пассивного сопротивления, борцами с идеалами официальной доктрины, подтачивающими советский режим изнутри.